

Глава 6

Ван Ин покидал спальню под аккомпанемент возмущенных криков о попранном благоприличии. Он смеялся так, что всё его тело подрагивало — поддразнивать Чэнь Цинъюнь стало для него едва ли не главным развлечением.

Этот парень явно переучился: что ни слово, то о морали и долге, что ни жест — то праведное негодование. Ругаться толком не умеет, а краснеет по любому поводу. Просто прелесть, а не муж.

Жаль только, что здоровье у него ни к чёрту. Того и гляди, отдаст концы в самый неподходящий момент. От этой мысли Ван Ину стало даже немного грустно.

Когда он вошёл в главный дом, ужин уже был накрыт.

Госпожа Ли вкратце расспросила его о делах в его семье, но к еде даже не притронулась. Жалуясь на головную боль, она вскоре ушла в свои покои. Младшие дети тоже выглядели подавленными: сидели, понуриив головы, и молчали.

— Случилось что-нибудь? — осторожно поинтересовался Ван Ин.

Чэнь Цинъюнь открыла было рот, чтобы ответить, но вместо слов из глаз брызнули слёзы. Юноша растерялся и поспешно протянул ей платок.

— Ну-ну, тише. Рассказывай по порядку, что стряслось?

— Утром, стоило тебе уехать, брат лишился чувств, — всхлипнула девочка. — Лекарь приходил, иголками его колол, едва откачали... У-у-у...

Ван Ин нахмурился. Когда он возвращался, Чэнь Цинъюнь выглядел вполне сносно. Неужели всё настолько серьёзно?

— И что ещё сказал лекарь?

Цинъюнь вытерла слёзы и закивала:

— Сказал, что брату недолго осталось. В лучшем случае месяца три, а в худшем... полмесяца всего. Велел готовиться заранее... — закончив, она зарыдала в голос.

Сидящий рядом Цинсун тоже принялся размазывать слёзы по щекам. Глядя на них, Ван Ину стало не по себе.

— Не слушайте вы этого шарлатана, — твёрдо произнёс он. — Ничего с вашим братом не случится. Полежит, окрепнет, глядишь — и пойдёт на поправку.

Дети подняли на него заплаканные глаза.

— Правда?

— Конечно. Обязательно поправится.

Ван Ин старался говорить уверенно, хотя и понимал: сейчас он думает больше о себе.

Хотя он пробыл в семье Чэнь всего два дня и ещё не питал к ним глубоких чувств, ему приходилось строить планы на будущее. Если Чэнь Цинъянь умрёт, он официально станет вдовцом, а семья лишится своей единственной опоры. Госпожа Ли по натуре своей не тот человек, который сможет удержать хозяйство, а Цинъюнь и Цинсун ещё слишком малы. В таком случае им придётся уповать на милость второго дяди.

Вспомнив рожу этого типа, юноша не сомневался: тот сожрёт поместье Чэней и не подавится. А уж учитывая их вчерашнюю стычку, месть будет скорой.

Ван Ин всерьёз забеспокоился.

«Чэнь Цинъяню помирать никак нельзя!»

***

Когда он вернулся в спальню, дядя Чэнь как раз обтирал больному лицо. Старый слуга выглядел виноватым — должно быть, уже узнал о случившемся днём. Перед смертью старый хозяин поручил ему заботиться о молодом господине, а он, старый и никчёмный, не уберёг...

Слушая приглушённые всхлипы старика, Чэнь Цинъянь тяжело вздохнул:

— Ступай отдыхать, дядюшка.

— Я здесь побуду, присмотрю за вами ночью.

— Не нужно. Ты весь день в дороге провел.

— Да не устал я вовсе! Пожалуйста, позвольте мне остаться!

Видя, что дело идёт к спору, Ван Ин кашлянул:

— Послушайте, может, я за ним присмотрю ночью?

Дядя Чэнь замялся. Он совсем забыл, что эти двое теперь супруги, и его присутствие в спальне и впрямь будет неуместным.

— Что ж... Тогда полагаюсь на вас, молодой господин.

— Не беспокойтесь, идите отдыхать.

Проводив слугу, Ван Ин запер дверь, придвинул табурет к кровати и уселся рядом.

— Эй, слышал я, ты днём в обморок шлёпнулся?

Чэнь Цинъянь лишь холодно фыркнул и закрыл глаза, всем видом показывая, что не желает вести беседы.

— Опять, небось, ничего не ел?

Тот удивлённо распахнул глаза. Как собеседник догадался?

— Знаешь, я порой ума не приложу, что у тебя в голове творится, — продолжал Ван Ин. — Если и впрямь решил помереть, так я научу, как это сделать по-быстрому. Вон, полог у кровати крепкий — обмотай вокруг шеи, и даже вставать не придётся. Если в петле висеть некрасиво, можно чашку разбить да вены вскрыть. На худой конец — головой об стену...

— К чему ты клонишь?! — прервал его больной.

Ван Ин перестал паясничать и посерьёзnel:

— Хочешь помереть — так делай это разом. А тянуть кота за хвост, заставляя всех вокруг страдать и изводиться от горя — это, по-твоему, какой смысл имеет?

— Я вовсе не...

— Раз не хочешь умирать, так почему не заботишься о себе? Или гордыня твоя дороже жизни?

Чэнь Цинъянь плотно сжал губы, а в глазах его блеснули слёзы.

— Ты ничего не понимаешь...

— Я не понимаю, сколько серебра стоит твоё лицо, зато я знаю другое. Если ты сгинешь, семейка твоего второго дяди завтра же сюда заселится. Приберут к рукам и дом, и земли, мать твою будут унижать, а младших — тиранить. Цинъюнь, небось, тоже в «чунси» отдадут кому-нибудь.

— Не бывать этому! Я не позволю ему так поступить!

— Ты своего дядю не знаешь? А как ты ему помешаешь, если будешь мёртв?

От гнева грудь юноши часто вздымалась, он яростно уставился на Ван Ина.

— Нечего на меня злиться. Я лишь обрисовываю тебе будущее.

— И что с того? Я всё равно одной ногой в могиле.

Ван Ин едва сдержался, чтобы не вскипеть от этой апатии.

— С чего это вдруг?! Только потому, что экзамен провалил? Не вышло один раз — выйдет во второй. Я видел людей, которые до шестидесяти лет учатся, прежде чем сдать.

— Да не понимаешь ты! Думаешь, я не хочу?! Если бы дело было в одной неудаче...

Чэнь Цинъянь вдруг сдулся, как проколотый пузырь, и бессильно откинулся на подушки.

— Я не могу больше сдавать экзамены... Никогда больше не смогу...

Голос его сорвался. Сначала он лишь тихо всхлипывал, но вскоре рыдания стали громче, и, наконец, он зарыдал в голос, выплескивая всю ту обиду и ярость, что копились внутри.

Испугавшись, что муж снова лишится чувств, Ван Ин поспешно поддержал его, позволив прислониться к своему плечу, и принялся мягко поглаживать по спине.

— Дыши глубже. Давай, выплачься как следует.

Минут через пятнадцать Чэнь Цинъянь затих. Отстранившись, он снова безжизненно растянулся на кровати.

— Так почему ты не можешь больше участвовать в экзаменах?

— Тебя это не касается.

— Да ладно тебе, всё-таки мы супруги. Если ты померёшь, кто тебе бумажные деньги на могиле жечь будет, кроме меня?

— Бесстыдник...

— Да-да, я такой. Если не хочешь, чтобы я был тебе женой, давай зваться братьями. Я постарше буду, так что зови меня старшим братом.

Чэнь Цинъянь посмотрел на него как на диковинное существо. Где это видано, чтобы гэ'эр вел себя так дерзко? Неужто в деревнях они все такие отчаянные?

О своей главной беде он не рассказывал никому из домашних — это была его тайная рана. Но сейчас, поддавшись странному порыву, он уже готов был открыться... как вдруг в дверь постучали.

— Господин, что случилось?

Это прибежал дядя Чэнь, услышав в комнате плач.

— Всё хорошо, дядюшка! — отозвался Ван Ин. — Ложитесь спать!

Когда шаги слуги стихли, Чэнь Цинъянь снова замкнулся. Как ни старался собеседник его разговорить — тот молчал, глядя в потолок.

— Ладно, не хочешь — не говори. Я знаю, что у тебя на душе тяжело, но жить всё равно лучше, чем гнить. О матери подумай — она ж первая за тобой уйдёт от горя, а всё ваше добро достанется чужакам.

— И то, что ты в учёные не годен — невелика беда. Руки-ноги есть, грамоте обучен — можно и другим делом заняться.

Тот удивлённо покосился на него:

— Другим делом?

С шести лет, как он впервые начал учиться, экзамены были его единственной целью. О другой жизни он и не помышлял.

— Ну, например, землей заняться. У вас же сотни му пашни. Если хорошо возделывать землю

— это тоже великое умение.

— Для того арендаторы есть. С чего бы мне самому этим заниматься?

— Одно дело — чужими руками, и совсем другое — самому. Неужто не принесёт тебе радости увидеть, как семя, что ты сам бросил в землю, пускает корни, пробивается ростком, расцветает и приносит плоды?

Чэнь Цинъянь лишь качнул головой.

— Эх, не понимаешь ты... Ну, в купцы подайся или ремеслу какому обучись.

— Это же низкие занятия! Как я могу делать такое?

Ван Ин был поражён силой этого предубеждения.

— Нет профессий низких или высоких, это люди сами себе в голову вбили. Знаешь, какие на юге купцы богатые? Бывает, что и сановники перед ними склоняются. А ремесленники? В столице целое Министерство общественных работ есть, и глава его — чин второго ранга, ничуть не ниже прочих. Как же это может быть низким делом?

Чэнь Цинъянь слушал его, разинув рот. Он не мог поверить, что такие речи ведет простой деревенский гэ'эр.

— Откуда тебе это известно?

— Да у нас в деревне школа была, — заюлил Ван Ин. — Я, когда хворост собирал, часто подслушивал учителя. И не такое слышал, да и иероглифы многие выучил...

Цинъянь поверил. В те времена информация была редкостью, и большинство людей за всю жизнь не выбирались из своего дома.

Видя, что его слова заставили мужа задуматься, Ван Ин понял: тот принял их к сердцу. Он поднялся, взял припасённые постельные принадлежности и принялся стелить себе на полу.

— Ты... ложись на кровать. На полу холодно...

Чэнь Цинъянь хотел было распорядиться, чтобы подготовили западный флигель, но из-за дневного переполюха в доме всё пошло кувырком, и было уже не до того.

— Нормально, я так привык.

Ван Ин не хотел уходить. Он всё ещё надеялся, что Экспериментальное поле как-то связано с этим местом, и не решался менять обстановку.

Потушив свечу, они улеглись. Прошло около часа. Внезапно перед глазами Ван Ина вспыхнул белый свет, и на лицо упала тяжёлая влажная капля.

Он открыл глаза и понял, что снова оказался на Экспериментальном поле. Но на этот раз небо над ним затянули иссиня-чёрные тучи, и начался настоящий ливень.

<http://bllate.org/book/15812/1422852>